

*Илья Дементьев*  
(Калининград)

**ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ  
ИЛИ «ВОЛЬНОЕ ЭТИМОЛОГИЗИРОВАНИЕ?»**  
**Обзор современных зарубежных публикаций об анаграммах  
в культурах Древнего Востока и Античности\***

---

---

*Рассматриваются подходы современных западных исследователей к проблеме анаграмм в древних текстах. При этом показываются такие проблемные «узлы» этого явления, как сложная доказуемость наличия анаграмм в каждом конкретном случае, неоднозначность вопросов о произвольности или непроизвольности анаграмматических построений со стороны автора, о функциональности анаграмм. Все это помогает определить наиболее важные направления исследования анаграмм в дальнейшем.*

**Ключевые слова:** *текст, поэзия, анаграмма, паронимазия, Древний Восток, Античность, индоевропейский язык.*



Слова пережевываются медлительно; каждое слово, чтобы разобратсья на частицы и снова составиться, должно быть распушено во рту, под языком...

*Эко У. Маятник Фуко*

**В** западной науке теоретическая разработка вопроса об анаграммах и их роли в языке и культуре обычно восходит к небольшим работам Фердинанда де Соссюра, написанным в

---

© Дементьев И., 2014

\* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 14-04-00124 «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности».



первой декаде XX столетия, но ставшим достоянием гласности в 1964 году [4]. Великий швейцарский лингвист сосредоточился на изучении анаграмм в культурах Древнего Востока и Античности, задав, по сути, рамки для последующей работы ученых. В Советском Союзе независимо от этого сложилась собственная исследовательская традиция, представленная семиотической школой, к которой принадлежат прежде всего Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров. Движение навстречу друг другу наметилось в 1970-х годах: зарубежный читатель, не владевший русским языком, получил возможность познакомиться с достижениями советских гуманитариев в области изучения анаграмм благодаря весьма содержательной и не утратившей значение статье М. Б. Мейлаха [16]; в нашей стране исследователи узнавали о том, что волнует их коллег на Западе, из публикаций патриархов отечественной семиотики. За прошедшие десятилетия в США и Западной Европе количество публикаций, дополняющих, развивающих или опровергающих выводы Соссюра, заметно выросло. Цель настоящего обзора — охарактеризовать актуальную повестку дня в зарубежной гуманитаристике, занятой проблематикой анаграмм в древневосточных и античных культурах. Объектами для характеристики послужили работы различных западных исследователей, опубликованные за последнюю четверть века.

Общая идея Фердинанда де Соссюра о том, что анаграмма представляет собой «главный принцип индоевропейской поэзии» [4, с. 640], оказалась плодотворной и задала вектор исследований анаграмм на материале литератур индоевропейских народов. Ученый усматривал действие выделенного им принципа в сатурновом стихе (отправной точкой послужила надпись на гробнице Сципиона Бородатого), а также в более поздней латинской литературе, гомеровском эпосе, ведийских гимнах и древнегерманской поэзии. Позднее его догадки были подтверждены на ином индоевропейском материале, в частности на древнеирландском<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров пишут об оккультных по происхождению жреческих и / или поэтических традициях в Древней Ирландии или Индии, где «верхний слой текста подвергался сознательным деформациям при том, что существовала система правил, по которым можно было восстановить первоначальное сообщение. Одним из древнейших и наиболее простых видов записи сообщения на глубинном уровне является анаграмма имен главных персонажей или разные способы скрытого обозначения (намекания) формы и смысла этих имен с помощью их вольного этимологизирования, предполагающего множественность решений» [3, с. 50].



Даже при критическом отношении к некоторым выводам Соссюра<sup>3</sup> (например, на материале Вед сомнения обобщил Дэвид Шепхерд [17]) никто не оспаривает первенство швейцарского лингвиста в постановке проблемы, в привлечении внимания в этом контексте к ведийскому материалу, а также в открытии диахронического аспекта анаграммы (в дополнение к традиционному рассмотрению этого языкового феномена в синхроническом плане). Если Соссюр прав, то «может быть показано, что даже древнейшие из индоевропейских текстов, а именно Веды, сами по себе также являются продуктом анаграмматического отношения к языку, и все последующие литературы, восходящие к этому источнику, лингвистически и идеологически связаны в этой анаграмматической матрице. Не только современные художественные тексты, но также само наше понимание литературы тогда может быть сразу и порождено, и ограничено торжествующей, хотя и не признанной широко, "архианаграммой"» [17, p. 523]<sup>4</sup>.

Однако подобная программа изучения анаграмм на материале древних индоевропейских текстов до сих пор не реализована в полном объеме, хотя в этом году публикации материалов Соссюра исполняется полвека. Сохраняют свой исследовательский потенциал в зарубежной науке вопросы, восходящие к соссюрским заметкам: ведийская, древнеиранская и античная традиции остаются объектами исследовательского внимания. В российской науке глубоко разработана В. Н. Топоровым (независимо от Соссюра) тема звуковых повторов в «Ригведе» [5], однако другие сюжеты из истории древневосточных и античных культур все еще пребывают на периферии интересов академического сообщества.

Зарубежных публикаций по этой проблематике значительно больше. Сделаны первые шаги к выявлению анаграмматического кода в Авесте, ключевом тексте древнеиранской традиции. Стефани Джеймисон в статье 2002 года выдвинула гипотезу, объясняющую синтакси-

<sup>3</sup> Соссюр сам много колебался, озадаченный прежде всего тем фактом, что очевидный принцип анаграммирования не был описан никем из известных нам римских авторов. См. об этом: [2, с. 636].

<sup>4</sup> Ср. вывод Вяч. Вс. Иванова: «Теперь уже нельзя сомневаться в существовании общеиндоевропейской поэтической традиции, связанной с анализом состава слова и тем самым подготовившей и развитие науки о языке» [2, с. 636]. См. также статью Жана Старобински [18] и классическую работу Петера Вундерли [21]. Новейшая работа о традиции «Соссюр — Старобински — Борхес» — статья Хосе Рамона Сабина Лестайо [11], в которой сделана попытка подступиться к теме реализации потенциала соссюрской проблематики в постструктуралистской философии и постмодернистской литературе.



ческую сложность в одном из мест в Гатах, в частности в Ясне 51.4 — 5. В поэме о природе власти важнейшую роль играет патрон Заратустры Виштаспа, который обычно вводится в текст с помощью риторических вопросов: «Кто есть праведный друг твой, о Заратуштра, служитель истины? <...> Несомненно, это Кава Виштаспа, отважный царь» (Ясна 46.14)<sup>5</sup>. Однако в Ясне 51 используется иной прием. Сначала задаются вопросы: «Где... Откуда... Где обретем мы Ашу, Истину?» и т. д. (Ясна 51.4). Пятый стих не дает прямого ответа: «Вопросы сии заданы смиренным и праведным главой, что желает обрести глубокие и добрые знания и явить людям тот путь продвижения, что пребывает в согласии с Ашей» (Ясна 51.5); имя Виштаспы появляется только в Ясне 51.16: «Кави Виштаспа достиг награды через духовную силу Братства...» С. Джеймисон обращает внимание на форму начала пятого стиха:

vīspā tā pərəsaṣ yaθā aśāt haṣā gaṃ vīdaṭ

«Вопросы действительно получают ответ, но закодированный, — делится открытием С. Джеймисон. — Начало фразы vīspā tā — это почти совершенная анаграмма имени, которое отвечает на эти вопросы повсюду. Я утверждаю, что поэт в Ясне 51 дважды (51.4 и 51.11) задает вопрос (и дает ответ) о том, где Заратустра найдет поддержку. Первый ответ (51.5) — немедленный, но собираемый фонетически; второй (51.16) — отсроченный, но прямой. В обоих случаях это Виштаспа» [9, р. 288]. Такая интерпретация объясняет синтаксическую необычность появления слова vīspā- в начале строки, представляя этот стих как еще один пример «индоиранской поэтической привычки использовать игру слов на службе сообщений высокой степени серьезности» [9, р. 289].

Однако при всей перспективности исследования иранского материала подлинное изобилие находок в западной науке приходится на долю классической филологии. Анаграммы в античной литературе — это поистине благодатная тема, многие аспекты которой прояснены благодаря недавней фундаментальной работе Кристины Луц [12]. Исследовательница отмечает две особенности античного использования анаграмм. Во-первых, слова, которые составляются из одних и тех же букв, имеют семантическое родство, так что «замена букв внутри одного слова может быть средством, которое раскрывает подлинное зна-

<sup>5</sup> Здесь и далее цитируется русский перевод Гат, выполненный М. Ф. Азаргошасбом и Р. Абдукамиловым [1].



чение» [12, S. 175]. Во-вторых, анаграмматически родственные слова могут образовывать ассонанс при встрече «в замкнутом пространстве». «Благодаря этому звуковому эффекту, — заключает автор, — анаграмма воспринимается как форма паронимазии и получает статус стилистической фигуры» [12, S. 175], а в более поздних случаях еще и видом литературной игры (вероятно, независимо от предшествующего употребления). Анаграмма находится в пограничье между письменной и устной речью, что обуславливает многие особенности этого явления.

Среди самых ранних примеров первых двух случаев (форма паронимазии и стилистическая фигура) — пара  $\text{Ἥρα}$  и  $\alpha\eta\rho$  (богиня «Гера» и элемент «воздух»), возникшая в дискуссиях вокруг гомеровских богов. Богиня первоначально воспринималась как воплощение воздуха, позднее (эта перемена ассоциируется с идеями неоплатоника Феагена из Регия) появилось представление об аллегории: «воздух» стал пониматься как значение имени богини (это как раз образчик «вольного этимологизирования», о котором писали Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров).

На конкретных примерах из древнегреческой и древнеримской литературы современные ученые показывают и соблазнительный характер поиска анаграмм, и уязвимость этого метода в условиях хронического недостатка независимых источников.

Этьен Вольфф рассматривает анаграммы в контексте исследования языковых игр римской Античности. Анаграммы появляются еще в период эллинизма — возможно, у Ликофрона из Халкиды (первая половина III века до н. э.)<sup>6</sup>, который для характеристики царя Птолемея (*Ptolemaios*) создает анаграмму его имени — *apo melitos*, что означает «из меда». Однако это случай анаграммы в полном смысле слова в отличие от анаграмм, описанных Соссюром: здесь новое слово строго сформировано из определенного набора букв, присутствовавших в изначальном слове; кроме того, для безупречности выводов еще нужно доказывать умышленный характер перестановки букв. Контрпримеров хватает: в частности, Филипп Эзе в 1999 году высказал убеждение, что имя Вергилия Маро (*Maro*) есть анаграмма названия города Рима (*Roma*), однако никто из многочисленных древних комментаторов Вергилия на это даже не намекнул [20, p. 319]. Есть довольно много римских примеров палиндрома, который является частным случаем анаграммы (Вольфф приводит ряд вариантов [20, p. 320]). Тем не менее большая статья Вольффа, посвященная различным языковым

<sup>6</sup> Подробнее о Ликофроне как анаграмматике см.: [12, S. 149–154].



играм квиристов, не обращается более к анаграммам в том самом — полном — смысле слова, что имплицитно указывает на недостаточно широкую их распространенность в римской практике.

В то же время Люк Хьютон в недавней статье об одном месте у Овидия соглашается с тем, что римские поэты были готовы к использованию анаграмматических техник: среди известных примеров он приводит строки из Лукреция, подразумевающие возможность воспламенения дерева благодаря буквальному присутствию огня (IGNes) в том, что обозначает деревянное (IGNum); типичное для любовных элегий сочетание слов «любовь» (amor) и «смерть» (mors), указывающее на то, что смерть как бы «вписана» в любовь (например, *laus in amore mori* у Проперция) и т. д. Поэтический потенциал такого рода игры (если, оговаривается исследователь, это подходящее слово) был хорошо известен и Овидию. Хьютон предлагает свою интерпретацию анаграмматической игры в «Лекарстве от любви» Овидия, где поэт говорит:

*Verba dat omnis amor, reperitque alimenta morando;  
Optima vindictae proxima quaeque dies (95 — 96)*<sup>7</sup>.

Любовь (amor) здесь как будто проникает в промежуток между словами alimentA MORando, что дает графическую иллюстрацию тому, как она действует со всей незаметностью — эта же мысль выражена эксплицитно в тексте [8, p. 448]. Автор приводит и другие примеры из Овидия, где соединение слова, оканчивающегося на букву «а», и следующей лексемы, начинающейся с корня «mor» может интерпретироваться похожим образом. В обсуждаемом случае, однако, сама идея об обманчивости слов любви (*Verba dat omnis amor*) выглядит как доказательство того, что «поэт, быть может, сознательно привлекает внимание здесь к показательной игре слов, которой он предается далее в строке, фокусируя внимание читателя на вербальной текстуре всего пассажа» [8, p. 449]. Если это предположение верно, заключает Л. Хьютон, то потребуются пересмотреть все варианты употребления конструкций... A MOR... в творчестве Овидия. Так конкретный кейс позволяет расширить исследовательскую перспективу<sup>8</sup>.

<sup>7</sup> Стих, начинающийся со слов о том, что *Verba dat omnis amor*, в переводе М.Л. Гаспарова звучит так: «Хитростью ищет любовь благотворного ей промедленья, нет для спасения дня лучше, чем нынешний день!»

<sup>8</sup> См. также другую (хотя и небесспорную) реконструкцию овидиевских анаграмм в более ранней работе [10, p. 981 — 995].



Далеко не все выявленные анаграммы, впрочем, получают поддержку со стороны исследователей. Например, попытка Марты Маламуд найти анаграмму в тексте Аврелия Пруденция Клеменса (IV — V века) встретила аргументированные возражения. Маламуд обнаруживает в заключительных строках «Источника греха» (Hamartigenia) «[...me] poena levis clementer adurat»<sup>9</sup> анаграмму фразы «Aurelio Prudente se clamante», то есть «Аврелий Прудент себя провозглашающий» [13, p. 44 — 46]. Такое открытие потребовало известного остроумия от исследователя, однако Алан Кэмерон привел ряд аргументов, заставляющих усомниться в оправданности этой реконструкции.

Отталкиваясь от версии М. Маламуд, Кэмерон ставит под вопрос всю традицию поиска анаграмм в античной литературе, противопоставляя последнюю литературе средневековой, в которой анаграмма уже легко опознается как распространенный прием. Попытки трактовать анаграмму как явление, типичное для классической словесности, не всегда убедительны. Нередко в литературе за анаграммы выдаются случаи использования простой связи однокоренных слов (у Вергилия «LATIUmque vocari / maluit, his quoniam LATUisset in oris» и т. п.). В иных случаях, когда применяется языковая игра (например, акrostих), автор старается тем или иным способом указать на это читателю (чего не наблюдается в связи с анаграммами). Наконец, некоторые анаграммы (как ROMA / AMOR) представляют собой палиндромы, которые значительно легче идентифицируются [6, p. 479].

Еще один известный пример — стихотворение римского поэта нероновского времени Руфина, по поводу которого полвека назад А. М. Хэрмон сделал любопытное наблюдение: начальные буквы названий четырех цветков, из которых поэтом был сделан венок для надменной девушки (она моментально переменялась в своем отношении к стихотворцу), вместе с последним словом (выделено в тексте) образуют слово κρῆνιον, «череп» (своего рода *temento mori*):

ἐστὶ Κρῆνιον, Ροδὲν τε κάλυξ νοτὴρὴ τ' Ἀνεμώνη,  
καὶ Νάρκισσος ὑγρὸς, καὶ κρῆναυγες ἼΟΝ.

Смысл ситуации, описанной Руфином, не очень понятен, и Кэмерон также высказывает сомнение в отношении интерпретации в целом. Общая проблема подобных случаев состоит в отсутствии указателей на наличие анаграммы, ведущей к скрытому смыслу, в контексте

<sup>9</sup> «Меня милосердно опалает легкое наказание» (перевод Л. В. Сыроватко).



или структуре текста [6, p. 480]. Возникает вопрос, имеет ли смысл вообще говорить о сознательном использовании этого приема античными авторами. Артемидор в соннике использует слово *αναγραμματισμός* для обозначения перестановки букв в самом общем смысле: более ранние авторы (как Аристандр<sup>10</sup>) упоминают анаграмматизм как возможный способ интерпретации снов, если в распоряжении нет других способов. Сам Артемидор к этому относится скептически, тем более что предшественники не приводят примеры (Фрейд, конечно, оказался более чувствительным к подобным методам, как иронично заметил Кэмерон). Слово «анаграмма» и вовсе не употреблялось в этом смысле, насколько можно судить по имеющимся источникам<sup>11</sup>.

Возражения против гипотезы М. Маламуд у Кэмерона достаточно весомы. Во-первых, эта структура выглядит слишком громоздкой: кто из читателей мог бы распознать анаграмму в конструкции из четырех слов с использованием абсолютного аблатива? Почему именно четыре слова (с нарушением синтаксиса из-за выпадения начального *те*)? Как объяснить конфликт между общим настроением текста, в котором Пруденций позиционирует себя как грешника, и бравурным звучанием фразы, полученной в ходе перестановки букв? Имя Пруденция — *Prudentius*, а не *Prudens*; анаграмма должна быть безупречной. Имя Клеменс является для поэта диакритическим, и именно оно встречается особняком в текстах; странно, что его нет в анаграмме. Маламуд могла бы ответить, размышляет исследователь, что это имя спрятано в самом тексте (*clementer*), и тогда можно распознать все три имени в тексте, однако для критика это прозвучало бы неубедительно. Наконец, «Пруденций надеется прийти в жизни к тому, что к нему отнесутся с милосердием, которое и внушает его имя. Мне думается, — завершает Кэмерон, — что эта установка достойна и уместна в заключении» [6, p. 483].

Тщательный подбор А. Кэмероном аргументов против гипотезы о сознательном анаграммировании задает систему координат для критики других подобных версий в отношении творческого наследия ан-

<sup>10</sup> Прорицатель при Александре Македонском (конец IV века до н. э.). В популярной статье Хельмы Хёрат об анаграммах указывается, что Аристандр — древнейший автор анаграмм из известных нам [7]. Ср.: [12, S. 148].

<sup>11</sup> Подробный обзор значений других однокоренных слов в древнегреческом см.: [12, S. 148–149]. Там же об ином случае в древнегреческой традиции, где Евстафий обозначает термином *ἀνεστραμμένως* (анестрамменос) явление сопоставления слов *μὲν ἴσος* и *ἴσμιος*, то есть, по сути, анаграмму. См. об анаграммах у Евстафия: [12, S. 160–168].



тичных авторов. К примеру, Жан-Ив Малёвр специализируется на поиске мыслимых и немыслимых анаграмм у латинских писателей. В частности, в своих работах он, не снабжая читателей особыми доказательствами, постулирует, что в строках Овидия «...tVnc sacER... im-aGIne... ocVLIS obtVLIt ORA» (*Fastes*, 95–96) спрятано имя Вергилия (*Vergilius Maro*) [14, p. 93]. То же имя (в другой, правда, форме — *P. Vergilio Maroni*) вычитывается исследователем также в первом дистихе элегии Проперция:

ERGO solLIcItae tu causa, PecunIa, Vitae!  
Per te imMAaturum MORTis adimus iter [15, p. 179].

Нет сомнений, что к этим результатам Алан Кэмерон отнесся с той же суровостью и с теми же, что и были приведены выше, аргументами.

Некоторые публикации подтверждают тот факт, что на современном этапе развития гуманитарного знания сохраняется актуальность теоретических вопросов, таких как различение анаграммы и паронимии. Французский исследователь Стефан Вьейяр, изучающий русские пословицы, понимает паронимию как частный случай анаграммы. В статье, посвященной русским пословицам, он приводит любопытные примеры. В частности, зафиксированные уже в XVIII веке пословицы задают некоторую двусмысленность повседневному опыту наших соотечественников того времени: «Кобылка лежит, а ивашка бежит»; «Кобылка бежит, а Ивашка лежит» и — неожиданно — «Кабалка лежит, а детинка бежит». Анализ лексикологического материала с учетом социально-экономических реалий привел исследователя к заключению, что первоначальный вариант все же звучал как «Кабал(к)а лежит, а Ивашка бежит». Здесь налицо и инклюзивная (внутри пословицы) и эксклюзивная паронимия (*кобылка* — *кабалка*). В процессе десемантизации пословица, в которой главная роль досталась кобылке, получила, впрочем, не вполне понятный для современного человека смысл. Есть и другие примеры, которые показывают, что фольклору индоевропейских народов еще предстоит встроиться в общую матрицу, заданную в свое время Соссюром [19, p. 72 — 73].

Даже краткий обзор новейших публикаций, обсуждающих анаграммы в культурах Древнего Востока и Античности, показывает, что количество проблем, возникающих перед исследователями, со временем не сокращается. Жан Старобински, размышляя над вкладом Соссюра в теорию анаграмм, сформулировал ряд сомнений. Один из ключевых вопросов состоит в том, как разграничить намерение автора



побудить читателя найти анаграмму и умение читателя искать соответствия там, где их нет (при желании, не без сарказма замечает Старобински, у Вергилия можно обнаружить и анаграммы к именам «Наполеон» или «Фидель Кастро» [18, р. 8]).

Проблема авторского умысла поставлена Соссюром и переформулирована К. Леви-Стросом, высказавшим мысль о том, что использование приема могло продолжаться благодаря бессознательному следованию автора более древним поэтическим моделям [2, с. 637]. О роли бессознательного догадывался и сам Соссюр, который пытался объяснить молчание античных авторов об анаграммах у предшественников: «...если привычка к анаграммам уже была усвоена, такой поэт, как Вергилий, легко должен был увидеть, что анаграммы кишат в тексте Гомера... В этом случае если уж он был подготовлен к анаграммам национальной традицией, а к ней еще присоединялся ни с чем не сравнимый авторитет Гомера, можно понять, насколько Вергилий был расположен не отступать от этого правила и не оказаться ниже Гомера в том отношении, которое казалось существенным для последнего» [4, с. 645].

Проблема авторского замысла и (не)желания указывать на языковую игру, ориентированную на активную роль читателя, была хорошо известна Соссюру и актуализирована К. Леви-Стросом и Ж. Старобинским. Она представляется основной, но современная наука все еще далека от ясного решения этого вопроса, значимого для всей истории культуры от ведийских текстов до современной литературы. Между сознательным обращением к анаграмме и отсутствием оногo (провоцирующим эрудированных читателей на творческие поиски) возникает широкий диапазон возможных решений (в их числе находится, в частности, предполагаемое Соссюром бессознательное следование традиции). Вокруг этого вопроса, по сути, и разворачивается полемика в современной науке. Напротив, практически не вызывает сомнения у исследователей то, что к анаграммам совершенно осознанно прибегали поэты Средневековья и Возрождения, не говоря уже о литераторах Нового времени<sup>12</sup>. Нередко мы встречаем в этих случаях явные при-

---

<sup>12</sup> Отдельно необходимо рассматривать древнееврейскую литературу, которая выработала оригинальный подход к анаграмматизму (оспорив у греков, как пишет Х. Хёрат, пальму первенства в изобретении анаграмм [7]) и задала рамки для использования этого приема в священных текстах. Отсюда использование анаграмм в рамках христианского эзотеризма и средневековой еврейской поэзии. Однако это тема, выходящая далеко за рамки целей настоящего обзора.



знаки умысла, а иногда даже имеем возможность проверить свою гипотезу по другим источникам. Вопрос же о том, насколько этот прием умышленно использовался в литературах древних индоевропейских народов (где в большинстве случаев мы даже не можем установить личности авторов), даже несмотря на постепенное улучшение знания о социальном контексте бытования этой литературы, по всей видимости, всегда будет вызывать споры.

### Список литературы

1. *Гаты* Заратустры. URL: [zoroastrian.ru/node/1759](http://zoroastrian.ru/node/1759) (дата обращения: 02.07.2014).
2. *Иванов Вяч. Вс.* Об анаграммах Ф. де Соссюра // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 635–638.
3. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору: сб. стат. памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). М., 1975. С. 44–76.
4. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
5. *Топоров В. Н.* К описанию некоторых структур, характеризующих преимущественно низшие уровни, в нескольких поэтических текстах. 3. Об одном примере звукового символизма («Ригведа», X, 125) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Вып. 2. С. 317–319.
6. *Cameron A.* Ancient anagrams // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116, № 3. P. 477–484.
7. *Hörath H.* Anagramm. URL: <http://www.rossipotti.de/inhalt/literaturlexikon/sachbegriffe/anagramm.html> (дата обращения: 02.07.2014).
8. *Houghton L. B. T.* Ovid, *Remedia amoris* 95: *verba dat omnis amor* // *The Classical Quarterly*. 2013. Vol. 63, № 1. P. 447–449.
9. *Jamison S. M.* An anagram in the Gāthās // *Journal of the American Oriental Society*. 2002. Vol. 122, № 2. P. 287–289.
10. *Janssens L.* La tradition d'une cryptographie satirique médiévale (D'Ovide à Clément IV, Napoléon Ier, Hitler) // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1992. Vol. 70, № 4. P. 960–996.
11. *Lestayo J. R. S.* Les mots sous les choses: Starobinski, Borges, Saussure // *Modern Language Notes*. 2014. Vol. 129, № 2 (Hispanic Issue). P. 330–351.
12. *Luz Ch.* Technopaignia, Formspiele in der griechischen Dichtung. Leiden, 2010.
13. *Malamud M.* A poetics of transformation: Prudentius and classical mythology. Cornell University Press, 1989.
14. *Maleuvre J.-Y.* Les *Fastes* d'Ovide ou la guerre du calendrier // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1997. T. 75, fasc. 1. P. 69–105.
15. *Maleuvre J.-Y.* La mort de Virgile d'après Properce et Ovide // *L'antiquité classique*. 1997. T. 66. P. 177–206.



16. Meylakh M. A propos des anagrammes // L'Homme. 1976. Vol. 16, № 4. P. 105–115.

17. Shepherd D. Saussure's Vedic anagrams // Modern Language. 1982. Vol. 2, № 3. P. 513–523.

18. Starobinski J. Lettres et syllabes mobiles. Complément à la lecture des Cahiers d'anagrammes de Ferdinand de Saussure // Littérature. 1995. Vol. 99. P. 7–18.

19. Viellard S. Paronymes, anagrammes et paragrammes dans les premiers recueils de proverbes russes // Revue des études slaves. 2004. Vol. 75, № 1. P. 69–79.

20. Wolff E. Les jeux de langage dans l'Antiquité romaine // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 2001. Vol. 1, № 3. P. 317–334.

21. Wunderli P. Ferdinand de Saussure und die Anagramme. Tübingen, 1972.

*Ilya Dementyev*

**A MAJOR PRINCIPLE OF INDO-EUROPEAN POETRY  
OR ARBITRARY ETYMOLOGISING?**

**A review of modern international publications on anagrams  
in the cultures of Ancient East and Antiquity**

*This article examines the approaches of modern international scholars to the problem of anagrams in ancient texts. The author addresses the following "problem nodes": the difficulty of proving the presence of an anagram in each individual case and the ambiguity of the question as to the arbitrary or systematic nature of anagrammatic structures and anagrams' functions. Solving these problems will contribute to identifying the major avenues of further research on anagrams.*

**Key words:** *text, poetry, anagram, paronomasia, Ancient East, Antiquity, Indo-European language.*